

«Чем ближе ночь — тем родина дороже...»

Строчку «Добро должно быть с кулаками» цитируют все, кому не лень, сегодня она актуальна, как никогда. Но при этом мало кто знает автора, считая слова народными. Может, это и есть лучшая похвала поэту?

Добро должно быть с кулаками.
Добро суровым быть должно,
Чтобы летела шерсть клоками
Со всех, кто лезет на добро.
Добро не жалость и не слабость.
Добром дробят замки оков.
Добро не слякоть и не овятость,
Не отпущение грехов.

Написанное более полувека назад стихотворение не утратило свежести звучания. Да и не утратит: никогда наш народ не подставит левую щеку, если ударят по правой.

В патриотических кругах писателей-почвенников и государственников Куняев имеет репутацию стального человека, который, если понадобится, выйдет под прицелы автоматов очередного московского префекта, пытающегося захватить писательский дом на Комсомольском проспекте. Или отвесит пощёчину литературному негодяю... Куняев — человек дела, а не созерцания. Глубоко уважая гражданскую позицию Станислава Юрьевича, хочу тем не менее поразмышлять о Куняеве-поэте. Выход новой книги стихов — отличный повод для этого.

«Составляю свою последнюю, может быть, книгу и долго размышляю над каждым стихотворением: оставлять его для сегодняшнего читателя или нет? — пишет Станислав Юрьевич. — Не потому, что мне стыдно за какие-то стихи. К власти я за все сорок лет своей, как говорят, творческой жизни не подлаживался, в ленингану никакого вклада не внёс, никаких масок на лицо не напяливал. Был верен завету, который сформулировал для себя ещё в 1963 году:

Пишу не чью-нибудь судьбу,
свою от точки и до точки,
пускай я буду в каждой строчке
подвластен вашему суду.
И всё же кто-нибудь поймёт,
где грохот времени, где проза,
где боль, где страсть, где просто поза,
а где — свобода и полёт!

В одних стихах жизнь, энергия, вдохновение как бы поуявили, чуть-чуть иссякли, израсходовались. Оставляю те, в которых

жизнь сохранилась в свежей полноте, те, которые люблю, как в молодые годы...».

Хочу заметить: стихи поэта о трагической судьбе России звучат как никогда актуально. Куняев как гражданин и публицист несомненно испытывает горечь. Раз стихи в защиту России не просто не устарели, но актуализировались, значит, страна по-прежнему в беде. Разве что «страшилки» для русского человека поменялись. Так что поэзия Станислава Куняева, опасаюсь и радуюсь одновременно, актуальной остроты ещё долго не утратит.

С поэтом я познакомился в те самые суровые 90-е годы, когда после приёма в Союз писателей России стал иногда приезжать в Москву, чтобы глотнуть литературного воздуха общения с коллегами и снова залечь в свою сельскую глубинку. Тогда у меня в Самаре вышла книга рассказов и повестей «Запрягу судьбу я в санки» — вещь для меня особая, потому что предисловие к ней написал сам Валентин Распутин. Признаюсь, не терпелось показать её писателям столицы. Приехав в Москву, я перво-наперво направился на Цветной бульвар, в редакцию журнала «Наш современник», напечататься в котором мечтали многие, если не все, писатели России.

И вот я у Куняева в кабинете. Почаёвничали, вручил ему свою книгу. Куняев пролистал её: «Это предисловие Распутина я уже читал в "Роман-журнале XXI век". Написано кратко, ясно, и главное — тепло. Как тебе удалось выйти на Распутина? Он ведь очень редко пишет предисловия, и только к достойным книгам». Тут я, конечно, разомлел и рассказал о читинском семинаре молодых писателей Сибири и Дальнего Востока, о нашем очень давнем знакомстве с Распутиным, о последующем счастье общения с ним. Куняев, даром, что занятой человек, слушал внимательно...

Впоследствии мы со Станиславом Юрьевичем встречались не только в стенах редакции «Нашего современника», но и в правлении Союза писателей на Комсомольском проспекте, в московском храме Христа Спасителя на Всемирном Русском народном соборе, на всероссийском литературном празднике «Сияние России» в Иркутске... А на страницах журнала «Наш современник» появились мои литературные эссе о писателях России, об их книгах.

Здесь же, в редакции «Нашего современника», я познакомился с выдающимся русским поэтом Юрием Кузнецовым. Московские писатели поговаривали, что они «друганы» и соратники, потому Куняев и пригласил Кузнецова работать в журнале

заведующим отделом поэзии. Вышедшая впоследствии книга Станислава Куняева «У бездны мрачной на краю» подтвердила, что так оно и было. Это был сборник воспоминаний и размышлений о судьбе и творчестве Юрия Кузнецова. Горжусь, что она есть в моей домашней библиотеке, причём с автографом Станислава Юрьевича: «На добрую память истолкователю наших текстов Эдуарду Анашкину от автора этой книги, написанной печальным пером. Ст. Куняев 5.12.2015 г.».

Приятно быть толкователем стихов, в которых есть не только литературный, но и жизненный толк для судьбы России, для души русского человека. А в каждом русском старшего поколения непременно живёт человек советский. Не всегда они соседствуют мирно... Этому примирению русское с советским Станислав Куняев посвятил многое в своём творчестве. Строки его стихотворения звучат едва ли не как вызов архиправославным патриотам:

Реставрировать церкви не надо:
пусть стоят, как свидетели дней,
как вместилища тары и смрада
в нагоде и в разруге своей.

Как показала жизнь, не вызов это был, а хуже — пророчество, и оно сбылось. «Как это не надо реставрировать церкви?» — небось, гневно восклицал православный. Но разве нынешнее активное строительство храмов уменьшило количество хамов во власти? И разве оно примирило русское с советским? Разве сегодня чиновник не считает своим первейшим долгом плюнуть в великое советское прошлое?..

Станислав Куняев наиболее пламенные свои стихи создавал именно во имя этого примирения, так и не состоявшегося поныне. Поэт признался как-то, что когда написал последнюю строфу стихотворения «Реставрировать церкви не надо...», сам был в недоумении:

Всё равно на просторах раздольных
ни единый из нас не поймёт,
что за песню в пустых колокольнях
русский ветер угрюмо поёт...

Вот и мы сегодня, спустя десятилетия, задаёмся вопросом: «Почему русский ветер угрюм, если храмы реставрируются?». А тогда Станислав Куняев упорно пытался найти другое слово вместо «угрюмо», словно стараясь себя убедить: как только начнут восстанавливать церкви, Россия воспрянет. Но стихотворение столь же

упорно отвергло все попытки автора заменить эпитет на более оптимистичный. Русское угрюмство часто делает стихи русских поэтов вневременными.

С горечью надо признать, что гражданская поэзия Куняева оказалась сильнее эпохи, в которую создавалась, потому что пережила XX век и шагнула в новое тысячелетие.

Господи, что творится?
В светлом притворе стоят
потусторонние лица —
свечи в их лапах горят.
Струйки зловонья и серы
вьются из тёмных ноздрей,
слушают воры и мэры,
что говорит иерей.
Господи, пробы поставить
негде — на лица взгляни!
Можно ль Россию оставить
в столь окаянные дни?
Женщина жертвует лепту
храму во имя твоё.
Русскую женщину эту
обворовало ворьё.
Мать — заступница наша,
Русь твой последний удел,
глянь — унижения чаша
переполняет предел!

Это «Молитва» Станислава Куняева — молитва за русского человека, сохранившего душу и умение делиться последним во имя того, во что он верит. Стоящие в церковном притворе чиновные притворцы — реальность наших дней. Не о ней ли полвека назад предупреждал «угрюмый» ветер в стихотворении Станислава Куняева?

Русский поэт остаётся поэтом во многом наперекор реальности, потому что понимает: несмотря на печальные земные реалии, над Россией распростёрта небесная благодать, и никакие суетные искушения не в силах её свести на нет. В этом, может быть, и заключена тайна бессмертия стихов.

Как посветлела к осени вода,
как потемнела к осени природа!
В моё лицо дохнули холода,
и снегом потянуло с небосвода.
Мои края, знакомые насквозь:
пустынный берег, подзавалье, речка...
Так кто же я — хозяин или гость?
И что у нас — прощанье или встреча?
От холода я задремал в стогу,
как зверь,

готовый погрузиться в спячку,
проснулся, закурил на берегу
и бросил в воду скомканную пачку,
и не решил, что ближе и родней —
вчерашний шум берёзы отшумевшей
или просторы прибранных полей
и тусклый свет травы заиндедевшей.
И, затаившись горестным дымком,
спасая тело от осенней дрожи,
я вдаль глядел и думал об одном:
чем ближе ночь — тем родина дороже.

Написанное в далёком 1966 году, это стихотворение, как и многие другие произведения Станислава Куняева останутся навсегда в русской поэзии и в русской душе. Они будут жить даже в ту «пору прекрасную», в которую, вспоминая классика, «жить не придётся ни мне, ни тебе». Когда, вспоминая другого классика, Россия «вспрянет ото сна». Они пребудут в душе до тех пор, пока русский человек будет способен беседовать с Богом, выходить на берег распахнувшейся ему навстречу родной реки детства и тихо понимать, что родину любят не только весной. И не только, когда на родине светло и хорошо.